

Aleksander Kiklewicz
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski

Аффиксальная деривация и синтаксическая компрессия¹

Предметом данной статьи является семасиологический аспект содержания производных лексических единиц современного русского языка (с учетом других европейских языков: немецкого, польского, чешского), т.е. их семантическая интерпретация в разных условиях лексической и синтаксической сочетаемости, а также связанная с этим проблема деривационной истории подобных единиц и лежащих в их основе протосинтаксических структур пропозиционального типа.

Общим свойством всех лексических дериватов является не композиционная л ь н о с т ь, или то, что Р. Дирвен определил как *minimal-specification view*², – неполная выводимость значения единицы из значений отдельных компонентов. Для обозначения этого свойства употребляются также такие термины,

---

¹ Данная статья написана весной 2014 года в рамках научного проекта, финансируемого фондом Alexander von Humboldt – Stiftung (Германия, Бонн). Автор выражает благодарность проф. Светлане Менгель за поддержку проекта и предоставление возможности проведения научных исследований в Институте славистики Университета имени Мартина Лютера Галле-Виттенберг.

² R. Dirven, *The Metaphoric in Recent Cognitive Approaches to English Phrasal Verbs*, [в:] www.metaphorik.de.1 (15 V 2001). Некомпозиционный характер имеют и лексические единицы, полученные в результате семантической деривации, т.е. употребления слова в новом, метафорическом или метонимическом, значении. Как показал Дж. Сёрл, в случае метафорических знаков буквальное значение не вытекает из формы и структуры знака – определенная часть содержания подразумевается говорящим, а значит, интерпретация знака слушающим возможна благодаря апелляции к фоновому значению, хранителем которого является говорящий. При таком, прагмацентрическом подходе говорящий как элемент коммуникативной ситуации становится полноправным компонентом семиозиса, т.е. отношения между планом выражения (*signans*) и планом содержания (*signatum*) знака. См.: J. Searle, *Metaphor*, [в:] А. Ортоны (ред.), *Metaphor and Thought*, London / New York / Melbourne 1979, с. 92-123.

как схематичность, неопределеннозначность, эмергентность, недискретность, структурная недетерминированность³. В силу этого свойства для семантической интерпретации знаков требуется привлечение экстралингвистической информации⁴.

Исследователи неоднократно обращали внимание на некомпозиционный характер аффиксальных дериватов. Так, Е. Кубрякова, хотя писала о расчлененности передаваемого производным словом содержания⁵, в то же время признавала, что расчлененность эта имеет относительный характер, так как определенная часть значения производного слова не воплощена в его морфемной структуре – она мотивирована речевым контекстом. Выделяя два компонента лексического содержания аффиксальных дериватов: отсылочный и формантный (формирующий), Кубрякова подчеркивала:

[...] Обе эти величины представляют прямую и непосредственную зависимость от смыслового задания речевого акта, т.е. от коммуникативных потребностей и нужд говорящего⁶.

К. Вашакова, рассматривая словообразовательные неологизмы в современном польском языке, отмечает, что их семантическая интерпретация без знания специфических условий их функционирования затруднительна: морфемная структура производных слов отражает только один из аспектов их содержания, тогда как другие аспекты распознаются благодаря апелляции к внешним, например, социо-культурным, факторам:

Przywołanie [...] wiedzy o świecie (w tym wiedzy kulturowej) wraz z różnymi konotacjami przypisywanymi obiektom, do jakich odnosi się dane wyrażenie, jest niezbędne do właściwego rozumienia zwłaszcza takich leksemów, które odnoszą się do obrazu pewnego zjawiska, obejmującego także jego ocenę. [...] Idzie tu o struk-

³ Степень некомпозиционности знаков варьируется. Так, М. Докулил, приводя пример чешского существительного *listonoš* и его соответствия в диалекте *listák*, писал, что форма композитов в более эксплицитном виде представляет значение, чем форма аффиксальных дериватов, см.: М. Dokulil, *Zum wechselseitigen Verhältnis zwischen Wortbildung und Syntax*, [в:] L. Lipka / H. Günther (ред.), *Wortbildung*, Darmstadt 1981, с. 84.

⁴ Так, исследователи отмечают значительную роль социально-культурной релевантности лексем, которые функционируют в качестве компонентов сложного слова, см.: W. Motsch, *On Inactivity, Productivity and Analogy in Derivational Process*, „Linguistische Studien“ Reihe A, Н. 179, с. 12н.; I. Barz, *Die Ökonomie des Lexikons. Zum Kompositionsverhalten von Synonymen*, [в:] I. Barz / M. Schröder (ред.), *Nominationsforschung im Deutschen. Festschrift für Wolfgang Fleischer zum 75. Geburtstag*, Frankfurt/Main / Berlin / Bern etc., с. 270.

⁵ Е. С. Кубрякова, *Типы языковых значений. Семантика производного слова*, Москва 1981, с. 17.

⁶ Е. С. Кубрякова, указ. соч., с. 16.

tury o dużym stopniu zagęszczenia przestrzeni semantycznej, w której podstawa słowotwórcza wskazuje jedynie na jedną z cech całościowego językowego obrazu owego desygnatu⁷.

Так, существительное *dresiarz* образовано от производящей основы *dres* <тренировочный костюм>. Семантическая амбивалентность суффикса *-arz* состоит в том, что он указывает как на лицо, которое занимается изготовлением (пошивкой) спортивных костюмов, так и на лицо, имеющее привычку носить тренировочный костюм, при этом (во втором употреблении) дополнительно выражаются семантические признаки, не отраженные в его морфемной структуре, восстанавливаемые с учетом так называемого культурного тезауруса: <лицо мужского пола, принадлежащее к молодежной субкультуре, представители которой носят тренировочные костюмы, демонстрируя физическую силу и агрессивность>.

Множественность семантической интерпретации аффиксальных дериватов особенно заметна в области неологизмов – в этом случае мы имеем дело с достаточно «свободным» функционированием лексических дериватов, которые еще не закреплены в системе языка. Так, Е. Коряковцева отмечает, что хотя суффиксы *-изация*, *-изм*, *-ист* и др. известны русскому языку с XVI-XVII вв., в языке последнего времени наблюдается большое число включающих эти форманты новообразований, среди которых можно констатировать сильный разброс значений⁸.

---

⁷ K. Waszakowa, *Kognitywne aspekty tworzenia nowych derywatów słowotwórczych (na przykładzie języka polskiego)*, [в:] I. Ohnheiser (red.), *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo. Nominacja*, Opole 2003, с. 417 сл. На необходимость привлечения энциклопедических знаний о мире при конкретизации значения дериватов (а именно – лексических композитов) пишет В. Павлов, см.: V. Pavlov, *Deutsche Wortbildung im Spannungsfeld zwischen Lexikon und Syntax. Synchronie und Diachronie*, Frankfurt/Main / Berlin / Bern etc. 2009, S. 40. При этом данный автор обращает внимание на то, что для понимания композитов необходим целый комплекс знаний о референтах компонентов сложного слова – реконструкция исходной синтаксической структуры недостаточна. Так, сложное существительное немецкого языка *Wanduhr* ‘настенные часы’ обозначает не просто часы, висящие на стене (это не могут быть, например, повешенные на гвозде ручные часы), а особую категорию часов, рассматриваемую как элемент интерьера, а также как предмет мебели.

⁸ Е. Koriakowcewa, *Słowotwórcze zasoby nowych stylów funkcjonalnych*, „LingVaria” 2014, IX, с. 12. Анализ предложенных Коряковцевой толкований неологизмов, однако, как мне представляется, не совсем точно отражает их номинативное содержание. Так, существительным *дебилизация*, *кретинизация*, *хамизация* приписывается признак <uczynić tym, na kogo wskazuje podstawa>; в содержании существительного *идеологизация* усматривается признак <podlegać działaniom tego, co nazywa podstawa>; существительные *инфантилизация*, *экстремизация* трактуются так: <uczynić takim, na jakiego wskazuje podstawa> и т.д. Мне представляется, что все эти и подобные неологизмы содержат семантический компонент <действия с целью...>. ср.: *идеологизация* <действия с целью распространения, внедрения определенной идеологии>;

Семантическая амбивалентность свойственна также многим композитам⁹. М. Докулил убедительно показал, что за одной и той же формальной моделью сложных слов часто скрываются разные деривационные истории. Например, хотя чешские существительные *krajinomalba* ‘пейзаж’ *olejomalba* ‘живопись масляными красками’ формально образованы по одному и тому же образцу, в их основе лежат разные семантико-синтаксические структуры: *krajinomalba* < *malba krajin*, *olejomalba* < *malba olejem*¹⁰. О многозначности композитов в немецком языке пишет Х.-Г. Люгер: сложное слово *Polenreise* как минимум двузначно: его можно понять и как *путешествие в Польшу* (*Reise nach/in Polen*), и как *путешествие поляков* (*Reise der Polen*)¹¹. Кстати, по модели композита *Polenreise* образовано другое сложное существительное: *Polen-Spiel*, но в этом случае семантические отношения между членами иные, ср. пример из интернета:

- (1) Die endgültigen 30 Namen dieser ersten Phase müssen erst am Dienstagnacht, rund eine Stunde nach dem Polen-Spiel, an den Weltverband übermittelt werden [Окончательный список 30 фамилий этого первого этапа должен быть передан в Международную федерацию футбола только во вторник вечером, после игры с командой Польши] (<https://de.eurosport.yahoo.com/news/wm-1%C3%B6w-kader-ohne-gomez-hsv-duo-104936734--sow.html>)

Как видим, здесь имеется в виду не игра поляков и не игра в Польше, а игра с командой Польши / против команды Польши.

Такого рода дериваты в современном русском языке особенно распространены с первым компонентом *-евро*. Например, сложное существительное *еврозима* в речевой практике вовсе не означает <зимнее время года в Европе> (хотя и такое употребление возможно). Массово встречаются два значения данного неологизма: 1) <зимнее время года, по температуре напоминающее зиму в Западной Европе (когда температура воздуха не опускается ниже десяти градусов мороза)>; 2) <подкладка в сапогах, утепленная только в месте, облегаящем стопу – с учетом теплой зимы, какая бывает в Западной Европе>¹².

путинизация <действия с целью установления режима, предводителем и идеологом которого является Путин>; *параноизация* <действия с целью довести кого-либо до состояния паранойи>. И так далее. Трудно сказать, является ли семантический признак <действия с целью...> чертой всех новообразований с данным формантом, но тем не менее очевиден факт серийности таких дериватов – не только формальной, но и семантической.

⁹ Е. С. Кубрякова, указ. соч., с. 67; Е. Donalies, *Basiswissen. Deutsche Wortbildung*, Tübingen / Basel 2011, с. 46; V. Pavlov, указ. соч., с. 40; K. Waszakowa, указ. соч., с. 416 ссл.

¹⁰ М. Dokulil, указ. соч. с. 87.

¹¹ Н.-Н. Lüger, *Pressesprache*, Tübingen 1995, с. 31 ссл.

¹² Дериваты с компонентом *-euro* в современном польском языке, показав огромный разброс значений, проанализировала К. Вашакова, см.: K. Waszakowa, указ. соч., с. 416 ссл.

В речевой практике отражен также неологизм *евроЛена*. Здесь речь идет о *Евровидении* – телевизионном конкурсе популярной песни, который в 2010 году выиграла певица *Lena* из Германии. Без знания этой дополнительной информации композит сам по себе семантически «непрозрачен».

Другим примером некомпозициональности и семантической амбивалентности может послужить существительное *Евромайдан*. Ставшее модным благодаря СМИ, данное слово обозначает начавшуюся в ноябре 2013 года массовую многомесячную акцию протеста в центре Киева, на площади Независимости (по-украински – *Майдан Незалежності*), с целью принуждения правительства к подписанию договора об интеграции с Европейским Союзом. Совершенно очевидно, что в основе данного композита лежит довольно сложная деривационная история, реконструкция которой требует от речевого субъекта соответствующей эрудиции, знания социально-политических реалий.

Отсутствие у словообразовательного форманта единого, строго фиксированного значения, как видим, приводит к значительной произвольности деривационных процессов, к постоянному появлению в речи ранее не отмеченных употреблений слова, не укладывающихся в общепринятые схемы толкования. Таким образом, прямым следствием некомпозициональности являются семантические окказионализмы¹³.

Например, относительное прилагательное *трикотажный* чаще всего употребляется в конструкциях с названиями изделий: *трикотажная одежда, трикотажное платье, трикотажные носки* и др. Мотивация такого рода дериватов проста: выражение *S+ный* означает характеристику предмета (главного существительного в именном словосочетании) по его отношению к *S*. Поэтому приведенные выше выражения без труда преобразуются в сочетания (из которых они, собственно, и произошли – см. далее): *одежда (сделанная) из трикотажа; платье (сделанное) из трикотажа; носки (сделанные) из трикотажа*.

Наряду с этими регулярными случаями лексической производности имеются и более специфические, сложные для интерпретации факты. С одним из них мы встречаемся в тексте повести Виктора Пелевина:

- (2) На кровати, в ворохе скомканных простыней, лежало полуобнаженное тело, свесившее одну синюю трикотажную ногу к полу.

¹³ Хотя в теории словообразования более известны формальные окказионализмы, называемые также *Ad-hoc-Komposita*, см.: М. D. Stepanova / W. Fleischer, *Grundzüge der deutschen Wortbildung*, Leipzig 1985, с. 171 ссл.; С. G. Vega / D. Hofmann, *Wortbildung und Ad-hoc-Komposita: Typen, Implikationen und ihre möglichen Übersetzungen ins Spanische*, [в] L. M. Eichinger / M. Meliss / M. J. Domínguez (ред.), *Wortbildung heute. Tendenzen und Kontraste in der deutschen Gegenwartssprache*, Tübingen 2008, с. 196.

Формально, по аналогии с предыдущими дериватами, здесь можно было бы подразумевать *ногу (сделанную) из трикотажа* – такая интерпретация, в принципе, возможна, если представить себе специфический «жизненный контекст» (как выражаются теоретики в области социологии знания). Читатель повести Пелевина, однако, скорее всего, понимает выражение *трикотажная нога* иначе: <нога, на которой надеты синего цвета чулки/носки, сделанные из названного материала [трикотажа]>.

Б. Норман приводит очередной пример окказионального, как он пишет, употребления данного относительного прилагательного¹⁴:

(3) трикотажные подробности

Понятно, что здесь речь не идет ни об изделиях из трикотажа, ни о месте изготовления изделий из трикотажа (как, например, в сочетании *трикотажное ателье*) – отношение между существительным *подробности* и производящей основой *трикотаж* более специфическое: имеются в виду <подробности сферы интимной жизни, связанные с дамским бельем, изготавливаемым обычно из трикотажа>.

Большой фактический материал такого рода собрала и проанализировала польская исследовательница Д. Шумская¹⁵. По ее данным, в иллюстрированных журналах для женщин встречаются многочисленные примеры окказионального употребления относительных прилагательных, ср.:

- (4) owocowe dłonie (буквально: фруктовые ладони) <ладони, для ухаживания за которыми используются косметические средства, сделанные на основе концентратов, полученных из фруктов>
- (5) kamienne hobby (буквально: каменное хобби) <хобби, которое состоит в коллекционировании камней>
- (6) obcasowe oklaski (буквально: каблучные аплодисменты) <аплодисменты, адресованные артистке за то, что она во время спектакля смогла вытащить застрявший между досками сцены каблук>
- (7) lniane lato (буквально: льняное лето) <летний сезон, в который считается модным носить одежду, сделанную из льна>
- (8) piwny pies (буквально: пивная собака) <собака, которая любит пить пиво>

¹⁴ Б. Ю. Норман, *Между лексикой и синтаксисом (к семантике относительных прилагательных)*, [в:] Н. Делева (ред.), *Сборник от научных трудов, посвящен на семидесятилетие профессора Мирослав Янакиев*, София 1993, с. 100 ссл.

¹⁵ D. Szumska, *Niebezpieczne związki, czyli teandry adiektywizacji*, [в:] А. Кіклевіч (ред.), *Паланістыка – Полоністыка – Polonistyka 1999*, Мінск 1999, с. 5 сл.

- (9) *laserowe oko* (буквально: лазерный глаз) <глаз, прооперированный с использованием лазера>

Семантическая амбивалентность аффиксальных дериватов порождает коммуникативные проблемы, которые заслуживают внимания с точки зрения эколингвистики (а именно – концепции репрезентативной номинации¹⁶) и критического анализа дискурса. Одним из таких примеров являются *польские лагеря смерти* (англ. *Polish death/concentration camps*) – выражение, которое в западной прессе, а также в политических текстах употребляется для обозначения мест массового геноцида, которые во время второй мировой войны власти нацистской Германии основали на территории Польши. Когда летом 2012 года президент США Барак Обама в публичном выступлении упомянул *Polish death camps*, последовала резкая реакция официальных властей Польши, включая президента Бронислава Коморовского, а также прогрессивной мировой общественности, например, известного американского политика Дэвида Фрума.

С точки зрения системы языка относительное прилагательное *польский* (и его эквиваленты в других европейских языках) семантически амбивалентно и аксиологически нейтрально: *польский* вовсе не означает <основанный, осуществляемый поляками>, хотя и такое значение возможно. Для сравнения достаточно привести несколько примеров, заимствованных из немецкого портала *Wortschatz*:

- (10) *der polnische Zloty* <польский злотый, т.е. функционирующий в качестве валюты в Польше>
 (11) *die polnische Ortschaft* <польский населенный пункт, т.е. находящийся на территории Польши>
 (12) *der polnische Experte* <польский эксперт, т.е. являющийся поляком>
 (13) *die polnische Musik* <польская музыка, т.е. сочиненная композиторами из Польши>
 (14) *die polnische Grenze* <польская граница, т.е. отделяющая Польшу от другого государства>
 (15) *die polnische Freundlichkeit* <польская дружелюбность, т.е. свойственная полякам>

Русский публицист Марк Адоманис, с одной стороны, правильно пишет:

Любому, кто закончил больше пяти классов, понятно, что в данном контексте *польский* значит просто «физически расположенный в Польше», а не «управ-

¹⁶ См.: А. Киклевич, *Правда и языковая номинация*, „Przegląd Rusycystyczny” 2014, 2, с. 17.

ляющийся польским правительством». Я не могу себе представить, насколько невежественным надо быть, чтобы не знать, что ответственность за убийство европейских евреев несли нацисты. [...] Невозможно [...] поверить, что в стране есть сколько-нибудь заметное количество людей, считающих или когда-либо считавших, что Освенцим, Трехлинка и другие ужасные лагеря уничтожения, которые были созданы Третьим Рейхом, были «польскими» в любом смысле, кроме чисто географического¹⁷.

С другой стороны, русский публицист не прав, так как у каждого слова есть не только системно-языковой, но и функционально-речевой аспект – «фатическое поле», как выразился бы Л. Мурзин¹⁸. С коммуникативной (и отчасти когнитивной) точки зрения относительное прилагательное *польский* в большинстве своих употреблений подчиняется пресловутому принципу ответственности, о котором писал Дж. Лакофф¹⁹: инициальная позиция прилагательного способствует такой интерпретации данного словосочетания, при которой Польша и поляки рассматриваются как источник, инициатор описываемого положения дел. Кроме того надо помнить, что подавляющее большинство жертв концентрационных лагерей были евреи, поэтому выражение *польские лагеря смерти* создает конфронтацию по этническому признаку. Несомненно, важную роль играет и известный из гештальтпсихологии принцип близости: стимулы, расположенные рядом, имеют тенденцию восприниматься как подобные, взаимно обусловленные, родственные²⁰. В этом смысле (повторяю: с коммуникативной и социо-культурной точки зрения) соположение словформ *польские – лагеря – смерти* нежелательно как создающее неадекватную по отношению к намерению языкового субъекта и по отношению к действительности коннотацию. Точно так же, как и выражение

¹⁷ М. Адоманис, «Польские лагеря смерти» и очередной искусственный скандал вокруг Барака Обамы, [в:] http://inosmi.ru/op_ed/20120604/193084212.html#ixzz33JdEmbz2 [доступ 1 IV 2014].

¹⁸ Л. Н. Мурзин, *Полевая структура языка (фатическое поле)*, [в:] Л. М. Алексеева и др. (ред.), *Фатическое поле языка. Памяти профессора Л. Н. Мурзина*, Пермь 1998, с. 9 ссл.

¹⁹ Дж. Лакофф, *Лингвистические гештальты*, [в:] В. А. Звегинцев (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике*, X, Москва 1981, с. 363.

²⁰ «Синтагматическое столкновение» слов в публицистическом тексте нередко употребляют журналистами для компрометации лица. Ср. пример из рубрики „Polityka i obyczaje” в польском журнале „Polityka” (2004/49): „Prasa poznańska poinformowała, że na złomowisku znaleziono mosiężne popiersie Lecha Wałęsy. Pracownik złomowiska opowiada: «Od razu wiedziałem, że twarz znajoma. No i te wąsy. Po naradzie mówimy, że Wałęsa. Po ważeniu wart jakieś 300 złotych». Po opublikowaniu wiadomości do skupu zgłosił się przewodniczący wielkopolskiego regionu Solidarności Bogdan Klepas. «Jako związkowcy jesteśmy zaprawieni w negocjacjach. Wytargowałem Wałęsę za 400 złotych» – cieszył się przewodniczący dumny, że uratował symbol związku od przetopienia”. Компрометация Леха Валэнсы достигается здесь посредством синтагматического соположения с существительным *złomowisko* <свалка>.

русская «Акула», у которого, казалось бы, вполне невинное языковое содержание: <принадлежащая России подводная лодка, своими большими размерами и агрессивностью напоминающая акулу>.

Многочисленные примеры подобного рода убеждают нас в том, что понимание языковых выражений опирается не только на языковую компетенцию – дополнительно требуются общие энциклопедические, а нередко и специфические знания, связанные с «реальным жизненным контекстом» отправителя информации. Такие «смысловые компоненты (производного слова. – А. К.), не получающие формального выражения», называются в литературе смысловыми приращениями²¹. Действительно, с точки зрения интерпретатора (слушателя, читателя) в результате интеллектуальной переработки аффиксального деривата появляются новые смысловые компоненты, не закодированные в его форме и морфемной структуре. В этом смысле понятие семантического приращения правомерно. Однако с точки зрения отправителя информации ситуация представляется в обратной перспективе: аффиксальные дериваты возникают в результате преобразования, а именно – с о к р а щ е н и я исходной протосинтаксической²² структуры²³. Одним из первых эту идею в 60-е годы XX века стал разрабатывать М. Докулил²⁴.

Идея декомпозиции протосинтаксических структур, приводящей к возникновению аффиксальных дериватов (в частности, относительных прилагательных), наиболее последовательно реализована Д. Шумской²⁵. Краковская исследовательница (в духе теории трансформационного анализа) показала, что в основе семантических вариантов производных слов лежит их разная деривационная история, т.е. их происхождение – в результате синтаксической компрессии – от разных протосинтаксических структур²⁶. Так,

²¹ Е. С. Кубрякова, указ. соч., с. 58; Л. С. Филиппова, *Современный русский язык. Морфемика. Словообразование*, Москва 2009, с. 128.

²² Термин *протосинтаксический* здесь специально употребляется для подчеркивания латентного, «глубинного» (по Н. Хомскому), в каком-то смысле идеального характера исходных пропозициональных структур, которые существуют в плане замысла высказывания и не имеют еще поверхностной, материальной (т.е. грамматической и лексической) манифестации. О понятии протосинтаксиса более подробно см.: М. Я. Дымарский, *Коннективный vs. иннективный синтаксис (из наблюдений над языком романа Л. Н. Толстого «Война и мир»)*, [в:] Е. А. Земская, М. Л. Каленчук (ред.), *Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова*, Москва 2007, с. 207-223.

²³ В подобном духе явление семантической производности, а именно – метонимии, в 80-е годы прошлого века описал Е. Л. Гинзбург, см. его работу: *Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия*, Москва 1985, с. 61 ссл.

²⁴ См.: М. Dokulil, *Teorie odvozování slov*, Praha 1962.

²⁵ D. Szumska, *Przymiotnik jako przyłączone wyrażenie predykatywne. Analiza formalizacji struktur propozycjonalnych w warunkach predykcji niezdanotwórczej*, Kraków 2006.

²⁶ D. Szumska, *W poszukiwaniu standardów semantycznych*, [в:] А. Аwdiejew (ред.), *Gramatyka komunikacyjna*, Warszawa / Kraków 1999, с. 70 ссл.

словообразовательный суффикс *-arz* в составе польских производных существительных имеет большое количество значений – это объясняется тем, что в основе отдельных дериватов лежат разные пропозициональные структуры. На это указывают, например, следующие интерпретации:

- (16) *śmieciarz* <человек (работник службы быта), который **ВЫВОЗИТ** мусор>
- (17) *samochodziarz* <человек, который **УВЛЕКАЕТСЯ** автомобилями>
- (18) *kolejarz* <человек, который **РАБОТАЕТ** на железной дороге>²⁷

Как видим, производящее слово в каждом случае занимает место при ином пропозициональном предикате: *вывозить мусор*, *увлекаться автомобилями*, *работать на железной дороге*. Сам суффикс *-arz* прямо не указывает на содержание этих предикатов, а только на факт, что обозначаемый предмет характеризуется соответствующим отношением к S, т.е. к референту производящей основы. В связи с этим следует упомянуть выделенные Е. С. Кубряковой три класса дериватов: 1) категоризаторы, 2) модификаторы и 3) реляторы²⁸. Как указывала исследовательница, единицы третьего типа (например, относительные прилагательные) только указывают на «наличие связи между двумя категориями».

Некомпозициональность и семантическая амбивалентность производных слов как раз и объясняется фактом их деривационной истории, а именно – компрессии более развернутых протосинтаксических структур²⁹: получатель информации имеет непосредственный доступ только к сокращенной форме производного знака, тогда как его предыстория, а в частности, элиминированная часть содержания, принадлежит к сфере говорящего, так называемого фонового знания. То, что имел в виду (но не выразил) отправитель информации может быть восстановлено (так происходит чаще всего) или посредством апелляции к культурному тезаурусу, общему для коммуникантов,

²⁷ В. Павлов считает, что производное слово и его развернутое синтаксическое представление (ср. в немецком языке: *Blumentopf – Topf für die Blumen*; *Geldumlauf – Umlauf des Geldes*) можно рассматривать как грамматические синонимы. См.: V. Pavlov, указ. соч., с. 26.

²⁸ Е. С. Кубрякова, указ. соч., с. 136.

²⁹ Здесь надо сделать существенную оговорку о том, что синтаксическая ретроспектива возможна только у мотивированных слов, когда их внутренняя форма более менее очевидна для носителей языка. Например, это касается таких слов, как *вечерница* <род летучих мышей из семейства гладконосых> или *вечерница* <славянское название планеты Венеры>, которые так или иначе интерпретируются с учетом значения производящей основы. В то же время существительное *вечерница* в значении <род растений семейства капустные> не может интерпретироваться как <характеристика предмета по его соответствующему отношению к S [вечеру]>, поскольку внутреннюю форму данного слова можно считать утраченной, а само слово – всецело символическим (в семиотическом смысле).

или благодаря знанию окказиональных условий коммуникативного взаимодействия (которые повлияли на мотив речевого высказывания), или, наконец, благодаря «творческому» проникновению в замысел говорящего, чему может способствовать личное знакомство, общие интересы, присущая личности креативность³⁰ и др.

В языковом, инвариантном (системном, категорематическом) значении производного слова (релятора) представлен лишь алгоритм установления позиционной протоструктуры, а именно: <обозначаемый предмет характеризуется соответствующим отношением к S>. Языковая информация на этом практически заканчивается³¹. Дальнейшая семантическая обработка знака требует включения новой – культурно-когнитивной программы.

С точки зрения системы языка все семантические варианты производного слова являются равновозможными. Сочетание *трикотажная нога* в такой же степени реализует семантический потенциал слова (относительного прилагательного), как сочетание *трикотажная одежда*. Если рассуждать о суффиксальных дериватах в данном аспекте, то нет никаких оснований для выделения регулярных и нерегулярных (окказиональных) семантических вариантов.

В то же время нельзя не видеть определенной функциональной дифференциации таких единиц. Различия, которые наблюдаются при интерпретации производных слов в разных контекстах, обусловлены двумя причинами. Первая из них имеет экстралингвистический характер. В значении деривата закодирован интерпретативный, индексальный элемент <обозначаемый предмет характеризуется соответствующим отношением к S>, при этом указанное «соответствующее отношение» может иметь более или менее определенное, фиксированное значение. В одном случае имеется в виду фрагмент культурного тезауруса, доступ к которому имеет как говорящий, так и слушающий – члены единого культурного сообщества. Тогда интерпретация некомпозиционного деривата не вызывает никаких трудностей – ср. примеры сочетаний с относительным прилагательным *зубной*:

- (19) зубной врач <врач, который ЛЕЧИТ зубы>
- (20) зубной порошок <порошок, с помощью которого ЧИСТЯТ зубы>
- (21) зубная боль <БОЛИТ зуб>

Однако в других случаях говорящий подразумевает более специфическое отношение между референтом производящей основы и референтом синтаг-

³⁰ E. Donalies, указ. соч., с. 47.

³¹ В содержание семантического инварианта входит, помимо общего реляционного компонента, также индексальный семантический признак, а именно – указание на то, что «соответствующее отношение» имеет или конвенциональный, или окказиональный характер, т.е. требует апелляции к культурному тезаурусу говорящего.

матического партнера производного слова – тогда от слушающего требуется специальная эрудиция, иногда и мастерство интерпретации. Таковы, например, следующие сочетания с прилагательным *зубной*:

- (22) зубной камень
- (23) зубной мост
- (24) зубной кабинет
- (25) зубное кресло
- (26) зубные хлопоты
- (27) зубная фея

Большинство этих выражений понятно взрослым носителям русского языка, у которых имеется опыт лечения зубов, однако десятилетний ребенок, хорошо освоивший в отдельности все приведенные выше лексические компоненты, может лишь догадываться о значении их сочетаний. Да и взрослые будут пребывать в загадках, читая следующие выражения (заимствованные из интернета):

- (28) зубное счастье
- (29) зубная ностальгия
- (30) зубное письмо

В первом выражении имеются в виду хлопоты родителей в период, когда у ребенка режутся зубы – собственно, здесь выражена ирония, поскольку и у ребенка, и у родителей в этот период начинаются определенные проблемы («зубное несчастье»). Второе сочетание заимствовано из детского блога (текст так и называется: «Зубная ностальгия»), в котором мальчик делится воспоминаниями о прошедшем лете:

- (31) Уже середина октября и кажется каникулы были так давно. Чем не причина не вспомнить свои проделки на каникулах, особенно в лагере. Какая традиция самая главная в лагере? Правильно! Мазать зубной пастой! И не просто мазюкать, а отнестись к этому процессу творчески, с душой, так сказать. Делюсь опытом переданным старшим поколением – зубная паста «Лесная» оставляет небольшой красный след на пару часов после смыва.

Наконец – *зубное письмо*. Данное выражение отмечено в записи на интернет-форуме:

- (32) Спасибо, феечка, твое «зубное» письмо оказало магический эффект на ребенка! Правда, теперь он проверяет почтовый ящик несколько раз на дню, ведь фея пообещала писать))) И перестал забывать чистить зубы))) Наверное, мы напишем письмо почтовой фее, чтоб она передала его зубной;-))

Как видим, здесь автор текста подразумевает адресованное ребенку письмо, темой которого был уход за зубами.

Шумская пишет, что в тех случаях, когда у речевого субъекта нет возможности интерпретации предиката исходной пропозициональной структуры (т.е. нет доступа к фоновым знаниям отправителя знака), интерпретация значения слова ограничивается его общей номинативной семантикой: <характеристика предмета по его отношению к S>³². Что, например, значит выражение *трикотажная фирма*? Фирма, производящая трикотаж? Или фирма, изготавливающая одежду из трикотажа? А может быть, фирма, торгующая одеждой из трикотажа? Еще более радикальным примером семантической неопределенности является встречаемое в рекламных текстах выражение *яблочное платье*. Человек, далекий от мира женской моды, в состоянии представить себе лишь <характеристику платья по его соответствующему отношению к яблокам>, хотя «соответствующее отношение» трудно наполнить каким-либо конкретным содержанием.

Теперь перейдем ко второму – языковому аспекту лежащей в основе аффиксальных дериватов синтаксической компрессии. Он состоит в том, что деривационная история слова, а также деривационная история словосочетания с производным словом может иметь более или менее сложный характер, переход от протосинтаксической структуры к лексической единице может быть прямым или опосредованным другими пропозициональными структурами. В связи с этим можно различать несколько типов деривационных процессов.

Деривационная модель I: прямая семантическая зависимость

$f p < p (f)$ пресуппозиция: ИЗВЕСТНО (f) $\rightarrow p$
--

Данная модель представляет, с синтаксической точки зрения, наиболее «прозрачный», изосемичный случай: в конструкции *f p* типа *зубная боль* второй член (отглагольное существительное) репрезентирует предикат исходной пропозиции: *зубная боль* < *болит зуб / болят зубы*. При этом предполагается,

³² D. Szumska, *W poszukiwaniu...*, с. 77.

что интерпретатор знает (помнит и т.д.), что если у человека есть зубы, то они иногда могут болеть, что символически записано в виде: $(f) \rightarrow p$ ³³.

Деривационная модель II: прямая семантическая коокуренция

$f g < p (g... f)$
 пресуппозиция: ИЗВЕСТНО $(f, g) \rightarrow p$

В данном случае производящая основа лексического деривата и главное слово именного словосочетания представляют аргументы исходной пропозиции и в равной степени обусловлены значением протосинтаксического предиката. К этому типу, например, относится выражение *зубной врач*: в исходной пропозиции данные синтаксемы – в качестве предметных аргументов $(g... f)$ – соподчинены предикату p , ср.: *ЛЕЧИТЬ (врач, зубы)*. Значение этого предиката выводится из ментального лексикона языковых субъектов, хотя в других случаях может иметь и окказиональные причины.

Деривационная модель III: семантическая транзитивность

$f g < p (h... g) \& q (i, f)$
 пресуппозиция: ИЗВЕСТНО $(f, g) \rightarrow p, q$

К данному типу можно отнести сочетания типа *зубное кресло*. Между зубами и креслом нет прямой связи: в кресле сидит человек, которому врач лечит зубы. Врач и пациент являются своего рода посредниками, промежуточными звеньями между креслом и зубами. Данное словосочетание восходит, таким образом, к сложной, полипредикативной протоструктуре с двумя пропозициями: первая пропозиция $p (h... g)$ указывает на факт, что человек (пациент) находится в кресле; вторая пропозиция $q (i, f)$ означает, что врач лечит пациенту зубы. Предметные аргументы g (*кресло*) и f (*зубы*), как видим, относятся к разным пропозициям, но, поскольку эти пропозиции семантически связаны, между их отдельными компонентами возникает транзитивная связь.

³³ При этом надо иметь в виду, что не каждое словосочетание, построенное по модели [относительное прилагательное + абстрактное существительное], относится к первому деривационному типу: за такого рода конструкциями могут стоять достаточно сложные протосинтаксические структуры. Примером может служить выражение *smoleński odwrót* ‘смоленский отход/отступление’, которое употребляется в качестве заголовка в журналистском тексте: „Reprezentując wcześniej Jarosława Kaczyńskiego w śledztwie smoleńskim mec. Rafał Rogalski odciął się w serii wywiadów od teorii zamachu, a Antoniego Macierewicza opisał jako cynicznego gracza, manipulującego dokumentacją śledczą” („Tygodnik Powszechny”, 2013/20). Как видим, в протосинтаксической структуре между членами атрибутивного сочетания нет прямой зависимости: *smoleński odwrót < odwrót (zmiana stanowiska) w sprawie dotyczącej katastrofy, do której doszło w Smoleńsku*.

Последний случай синтаксической компрессии является наиболее сложным для интерпретации, так как задача слушающего состоит в том, чтобы реконструировать сложное пропозициональное образование, в котором выступают два, а иногда и большее число предикатов. Именно поэтому выражения, образованные по данной модели, мы часто встречаем среди семантических окказионализмов.

В заключение остановлюсь на статусе словообразовательных формантов относительных прилагательных в системе грамматических классов слов. Как вытекает из предложенной интерпретации деривационной истории данного класса производных слов, единицы этого типа являются не и з о с е м и ч н ы м и: с одной стороны, по своим формально-грамматическим признакам они относятся к классу прилагательных; с другой стороны, по своей семантике (напомню, что в семантической протоструктуре им соответствует статус предметных аргументов) они, подобно существительным, являются названиями предметов, что, собственно, находит отражение и в определении значения этих слов: <характеристика предмета по соответствующему отношению к (предмету) S>. Ничего удивительного, что в «Толковом словаре русского языка» С. Ожегова и Н. Шведовой нет, например, отдельной статьи, посвященной прилагательному *лесной* – оно лишь упоминается в статье «Лес»³⁴. При этом какая-либо дефиниция значения прилагательного отсутствует, что косвенно указывает на признание факта субстантивной семантики относительного прилагательного.

Такое практическое решение корреспондирует с теоретической установкой некоторых исследователей, которые считают, что в случае так называемых реляторов нет необходимости искусственного приписывания им отдельного лексического значения – на практике это оборачивается умозрительными дефинициями типа <имеющий отношение к...>. В связи с этим Кубрякова, как представляется, справедливо писала:

Подобно тому, как в словаре нет необходимости приводить при каждом отдельном слове все реализующие его словоформы, если только они образуются регулярным способом, нет необходимости приводить и все его дериваты и, главное, объяснять значения последних если, они тоже регулярны³⁵.

По мнению Кубряковой, при лингвистическом описании реляторов необходимо использовать систему отсылок – подобно той, которая используется при описании грамматических характеристик слова.

Я специально выделил разрядкой фрагмент предыдущего абзаца, касающийся грамматических характеристик слова. В теории словообразования

³⁴ С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Москва 1992, с. 332.

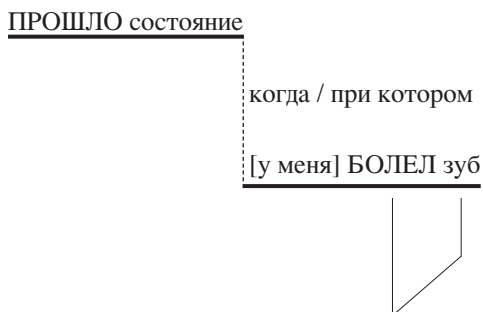
³⁵ Е. С. Кубрякова, указ. соч., с. 11.

принято, что аффиксальные дериваты (в частности, относительные прилагательные) представляют самостоятельные лексемы. Наблюдения, однако, убеждают нас в том, что эта самостоятельность касается только формально-грамматических свойств – слово (например, *зуб* > *зубной*) меняет парадигму существительных на парадигму прилагательных. Что касается лексического значения, то по крайней мере в определенном корпусе употреблений оно остается без изменений. В конструкциях типа [относительное прилагательное + абстрактное существительное], т.е. образованных по деривационной модели I, функция аффикса (например, суффикса *-н*) сводится только к тому, чтобы маркировать иной функционально-синтаксический статус лексической единицы (производящей основы): она соответствует аргументу пропозициональной структуры низшего уровня. На это указывает, например, следующее сопоставление:

(33) У Ивана заболел зуб.

(34) Зубная боль прошла < Прошло состояние, когда / при котором болел зуб.

В предложении (34) прилагательное *зубной* указывает на *зуб* как субъект состояния, которое описывается в главном предложении. Эта информация (о субъекте) является дополнительной, соответствует придаточному предложению определительного типа.

Принадлежность относительных прилагательных к другой морфологической парадигме, отличной от парадигмы производящих основ (существительных), указывает на позицию аргумента в пропозициональной структуре низшего порядка – другими словами, речь идет о транспозиции. В связи с этим относительное прилагательное в поверхностной структуре предложения не может занимать синтаксическую позицию непосредственно при ядерном предикате главной пропозиции – глаголе в личной форме, на что обратил внимание уже Докулил: чешский лингвист писал, что лексические дериваты от-

носятся к области «синтаксиса номинации» (противопоставляемого «фразовому синтаксису»), в котором для них зарезервирована атрибутивная функция³⁶, т.е. в терминологии современного экспликативного синтаксиса – функция модификации аргумента главной пропозиции – сообщения дополнительной информации о его референте.

Разумеется, в случае деривационных моделей II и III формант косвенно указывает на отношение референта производящего слова к другим элементам пропозиции низшего порядка, но факт пропозициональной низкопорядковости может рассматриваться как конститутивное свойство этих единиц.

В таком случае, с функционально-семантической точки зрения, относительные прилагательные следует трактовать не как самостоятельные лексические единицы, а, скорее, как функциональные варианты существительных – упомянутый пример представления прилагательного *лесной* в словаре Ожегова/Шведовой весьма показателен и поучителен. Аффиксальные дериваты (и именно – реляторы) представляют собой своего рода функциональные падежи существительных. В самом деле, мы нередко можем наблюдать чередование относительного прилагательного и существительного в родительном падеже – в присубстантивной позиции, ср.:

- (35) судьба человека // человеческая судьба
- (36) политика в области грантов // грантовая политика
- (37) решение суда // судебное решение
- (38) шум леса // лесной шум³⁷

Прилагательные *человеческая*, *грантовая*, *судебное*, *лесной* представляют здесь функциональные формы соответствующих существительных – различие между ними касается только позиционирования в синтаксических структурах. Точно так же, как нет смысла описывать значение существительных родительного падежа в отдельных словарных статьях, нет смысла давать подобные семантические описания относительных прилагательных³⁸.

³⁶ М. Dokulił, указ. соч. с. 91.

³⁷ В случае притяжательных местоимений 3-го лица их формы совпадают с формами личных прилагательных в родительном падеже: *вижу его // его рассказ*.

³⁸ Так, прилагательное *roślinny* в толковом словаре польского языка под ред. С. Дубиша имеет два значения: 1) *będący rośliną, stanowiący część składową rośliny, składający się z roślin, właściwy roślinie*; 2) *zrobiony, sporządzony, wyprodukowany z roślin*. В то же время в названии журнальной статьи *Roślinny Internet* („Wiedza i życie”; 2014/VI) это слово по своему значению не отличается от существительного *roślina*. В названии заключен следующий смысл: <сетевой способ массовой коммуникации, который используется растениями>. Как видим, функция словообразовательного форманта состоит здесь только в том, что он определяет присубстан-

К подобным выводам я пришел в 1998 году, описывая так называемые «притяжательные местоимения». Анализ этих слов (на материале современного польского языка) показал, что употребления местоимений данного класса со значением принадлежности составляют только около 5%³⁹, т.е. с современной точки зрения нет никаких оснований для того, чтобы говорить о категории притяжательных местоимений. Единицы, которые традиционно квалифицируются как «притяжательные местоимения», в действительности относятся к классу личных (*мой* < *я*, *твой* < *ты*), вопросительных (*чей* < *кто*), отрицательных (*ничейный* < *никто*), обобщенных (разг. *всехный* < *все*) местоимений. Их специфика, как и в случае относительных прилагательных, состоит в том, что, в отличие от субстантивных местоимений, релятивные местоимения – так их, с моей точки зрения, следовало бы квалифицировать – выражают синтаксемы, которые в семантической структуре предложения относятся к пропозиции низкого порядка. Сфера функциональности этих единиц – не лексическая семантика, а синтаксис⁴⁰.

SUMMARY

Affixal Derivation and Syntactic Compression

The author shows the rang of the phenomenon, which is semantic difference of lexical derivatives, i.e. the affixal derivatives and the composites. This phenomenon is interpreted in the light of the theory of non-compositionality (“minimal specification view” by R. Dirven). The author described the types of syntactic compression, on which is based the derivation of relative adjectives in the Russian language, taking into account also other European languages. The final part of the article is devoted to the status of relative adjectives in the functional-grammatical system of the language categories.

тивный статус лексической единицы, а значит, его позицию в пропозициональной структуре низшего порядка.

³⁹ А. К. Киклевич, *Польские притяжательные местоимения как грамматический класс*, «Славяноведение» 1998, 6, с. 85.

⁴⁰ В связи с этим следует обратить внимание на языковой статус композитов: в немецкой лингвистической традиции распространено мнение, что многие сложные слова не относятся к лексикону – они представляют комбинаторные явления и должны рассматриваться как предмет синтаксиса. См. подробнее: V. Pavlov, указ. соч., с. 118 сл. О других аспектах языковой креативности в области словообразования см.: W. Motsch, *Der kreative Aspekt in der Wortbildung*, [в:] L. Lipka / H. Günther (ред.), *Wortbildung*, Darmstadt 1981, с. 94 ссл.